

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. Б. Макеева

ЯЗЫК, ОНТОЛОГИЯ И РЕАЛИЗМ

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2011

УДК 111
ББК 87.21
М15

Рукопись подготовлена при поддержке Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0077 «Реализм в аналитической философии XX века»).

Рецензенты:

доктор философских наук *А. Л. Никифоров*;
доктор философских наук, профессор *В. П. Филатов*

ISBN 978-5-7598-0802-2

© Макеева Л.Б., 2011

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Содержание

Введение	4
ЧАСТЬ I. Модели соотношения языка и реальности в аналитической философии XX в.	13
Глава 1. Формальный язык, логическая семантика и мир	18
1.1. Язык и онтология в философии Г. Фреге	19
1.2. Логический атомизм Б. Рассела: язык как отображение структуры реальности	31
1.3. Логический атомизм Л. Витгенштейна: язык как образ реальности... ..	48
1.4. Языковые каркасы Р. Карнапа	63
Глава 2. Связь между языком и онтологией в философии У.В.О. Куайна	78
2.1. Концепция научной семантики	79
2.2. Референция и неопределенность перевода	89
2.3. Онтология и критерий существования	95
2.4. Теория онтологической относительности и реализм	105
Глава 3. Обыденный язык и метафизика	113
3.1. Значение как употребление	115
3.2. Неформальная логика естественного языка и понятие референции	125
3.3. Обыденный язык и истина	131
3.4. Дескриптивная метафизика П. Стросона	135
Глава 4. Д. Дэвидсон и М. Даммит: систематическая теория значения — ключ к онтологии	146
4.1. Д. Дэвидсон о связи между значением и истиной	148
4.2. Теория радикальной интерпретации	160
4.3. Метод истины в метафизике	167
4.4. Истина и референция	174
4.5. Верификационистская семантика М. Даммита	181
ЧАСТЬ II. Природа аналитического реализма	201
Глава 5. Концепция семантического реализма М. Даммита	206
Глава 6. Х. Патнэм: в поисках адекватной концепции реализма	225
Глава 7. Научный реализм и проблема истины	247
Заключение	270
Литература	273
Указатель имен	286
Предметный указатель	289

Введение

Аналитическая философия, возникшая в начале XX в., знаменовала собой «радикальный разрыв с одурманивающей метафизической традицией» [Страуд, 1998, с. 510], однако одни аналитические философы восприняли этот разрыв как безоговорочный отказ от метафизики в любых ее формах, а для других он означал создание метафизических теорий принципиально нового типа. Именно в построении новой метафизики видели свою задачу Б. Рассел и те философы, прежде всего У.В.О. Куайн и П. Стросон, которые в середине XX в., после 30 лет безраздельного господства в аналитической философии антиметафизических настроений, возглавили движение по реабилитации метафизики. С этого времени интерес аналитических философов к этой области исследований неуклонно растет.

Метафизика имеет долгую историю¹, в ходе которой не только происходила смена одних метафизических теорий другими, но и существенно изменялись представления о ее предмете, задачах и методах. Метафизика, разрабатываемая в рамках аналитической философии, которую для краткости мы будем называть «аналитической метафизикой», образует новый этап в развитии этой отрасли философских исследований, поскольку философы данного направления по-новому осмыслили природу метафизического исследования и предложили новые способы решения метафизических проблем. Так, в представлении аналитических философов задача метафизики состоит в поисках ответа на вопрос, какова структура и содержание реальности, т.е. каковы наиболее общие роды или категории сущего. Это означает, что для них метафизика по сути совпадает с онтологией — учением о бытии как таковом², и, более

¹ Хотя, как известно, термин «метафизика» был введен в I в. до н.э. для обозначения произведений Аристотеля, посвященных «первой философии», которые александрийский библиотекарь Андроник Родосский поместил «после физики», вопросы, находящиеся в ведении метафизики, волновали умы с момента появления философии как таковой

² Мы вовсе не хотим сказать, что аналитические философы открыто отождествляют метафизику с онтологией. Они, конечно, признают, что онтология — это лишь один из

того, следует отметить, что они не проводят принципиального различия между бытием и существованием³, т.е., иначе говоря, сфера бытия и сфера сущего для них совпадают. Охарактеризовав таким образом предмет своих исследований, аналитические метафизики предложили и метод решения метафизических, или онтологических, проблем. С их точки зрения, философы не обладают особой способностью (будь то интеллектуальная интуиция или мистическое чувство), которая открывала бы им доступ к бытию; единственный инструмент, которым они могут пользоваться при решении каких бы то ни было философских проблем, включая метафизические, это анализ языка. Только анализируя наши суждения или высказывания о мире, которые мы признаем за истинные, мы можем составить представление о том, какого рода объекты и сущности обладают реальным существованием. За этим подходом к решению метафизических проблем стоит вера в то, что наиболее общие особенности реальности каким-то образом запечатлены в общей структуре языка и могут быть выявлены в ходе ее анализа. Таким образом, аналитическая метафизика оказывается в такой же мере затронутой «лингвистическим поворотом», как и все другие области исследования в аналитической философии.

Если сравнивать аналитическую метафизику с философскими системами, которые создавались в западной метафизике начиная с XVII в., то различие между ними настолько глубоко и принципиально, что вполне можно говорить о разрыве между нею и предшествующей метафизической традицией, но это вовсе не означает, что у аналитической метафизики вообще нет корней в истории философии. Эти корни, безусловно, есть. Так, многие современные исследователи видят в аналитическом подходе к решению онтологических проблем возврат к аристотелевской метафизике. С такой оценкой вполне можно согласиться, хотя она требует некоторых важных уточнений. Во-первых,

разделов метафизики и наряду с ним она содержит также разделы, занимающиеся проблемой бытия Бога, проблемой свободы воли, связью между сознанием и телом, природой пространства и времени и многими другими проблемами, однако, поскольку в структуре философского знания, принимаемой современными аналитическими философами, указанные проблемы оказались в ведении, скажем, философии религии, философии сознания, философии науки и т.п., собственно метафизика — в силу этого перераспределения проблематики — понимается ими как исключительно связанная с решением онтологических вопросов, и поэтому, когда они говорят о метафизике, они, как правило, имеют в виду онтологию.

³ Аналитические философы чаще всего употребляют термины «бытие» и «существование» как синонимы, но если иногда различие между ними все-таки проводится, то в этом случае существование трактуется как один из способов или «модусов» бытия.

Аристотель двояким образом определял предмет «первой философии», для которой впоследствии и был введен термин «метафизика». С одной стороны, она является универсальной наукой, изучающей «сущее, поскольку оно [берется] как сущее» (*Metaphysics*, 1025b3). С другой стороны, ее предметом выступают «божественные предметы», т.е. вечные неподвижные начала и первопричины, которые Аристотель связывает с Богом, и тогда она имеет статус одной из частных дисциплин, изучающей особый вид бытия. В средневековой философии эти две трактовки «первой философии» были обозначены как «общая» метафизика (*metaphysica generalis*) и «специальная» метафизика (*metaphysica specialis*) соответственно⁴. Во-вторых, учение о сущем (или бытии) как таковом — именно его в философии Нового времени стали называть онтологией — у Аристотеля содержит три части: категориальный анализ сущего, учение о четырех первоначалах или причинах и учение о возможности и действительности. Когда проводят параллель между аналитической и аристотелевской метафизикой, то имеют в виду первую из перечисленных частей. Однако сходство в данном случае усматривается не просто в том, что и Аристотель, и аналитические метафизики стремятся установить наиболее общие роды сущего, но и в том, что для решения этой задачи они обращаются к логическому анализу. У Аристотеля главным объектом такого анализа выступает предикативная связь между субъектом и тем, что о нем сказывается в суждении. Поскольку предикативная связь выражается глаголом «быть» (или «есть»), то, как пишет Аристотель, «сколько значений связки “есть”, столько обозначаемых ею видов сущего» (*Metaphysics*, 1017a23), т.е. у него классификация видов предикатов служит основой для выделения категорий сущего⁵. Таким образом, для Аристотеля быть значит быть чем-то, а категории как раз и отражают разные виды этого бытия чем-то.

⁴ Как отмечает отечественный исследователь античной философии А.В. Лебедев, соотношение этих двух вариантов определения предмета «первой философии» составляет «ключевую проблему интерпретации “Метафизики” и предмет острых дискуссий» [Лебедев, 2000, с. 174].

⁵ По сути, Аристотель рассматривает следующие основные виды суждений: «Сократ есть человек», «Сократ есть бегущий», «Сократ есть мудрый», «Сократ есть пять футов и десять дюймов роста» и т.п. Из их анализа он делает вывод, что поскольку предикаты «обозначают, что есть субъект, другие его качество, иные — количество, иные — отношения, иные — действие или претерпевание, иные — “где”, иные “когда”, то сообразно с каждым из них те же значения имеет и бытие» (*Metaphysics*, 1017a22–23). Соответственно он выделяет такие категории, как сущность, количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие, страдание.

И еще один аспект онтологии Аристотеля важен для нашей темы. Хотя, с его точки зрения, категории сущего не сводимы друг к другу, категория сущности выражает первичный смысл «быть», вокруг которого группируются все другие смыслы этого глагола. Первичные сущности, к которым Аристотель относит привычные объекты окружающего нас мира (или по крайней мере живые существа вроде лошадей и людей), в своем существовании не зависят от чего-либо еще — это проявляется в том, что о них могут сказываться другие предикаты, но сами они ни о чем другом сказываться не могут. Это означает, что в своем категориальном анализе сущего Аристотель отдает должное обыденным и научным представлениям о структуре и содержании мира; его онтология в определенном смысле «достраивает» эти представления до некоторой завершенной картины, и с этой точки зрения она является прямой противоположностью более поздних крайне абстрактных и спекулятивных метафизических систем, которые претендуют на раскрытие глубинной сути бытия и в которых мир, как его видит здравый смысл или наука, относится к сфере видимости или неподлинного бытия. Как отмечает М. Муниц, онтологический подход Аристотеля — это подход «ученого, логика, мыслителя, занятого рассмотрением множественности и разнообразия сущего, а не подход мистика, который стремится абстрагироваться от всего этого многообразия и сосредоточить внимание на недифференцированном и совершенно уникальном факте существования мира как такового» [Munitz, 1974, p. 69]. И в этом метафизики-аналитики, безусловно, являются прямыми наследниками Аристотеля.

Однако близость между аналитической и аристотелевской метафизикой не следует преувеличивать. Сходство между ними касается, скорее, общей направленности их подходов, а не существа предлагаемых решений. Неслучайно поэтому основатель аналитической метафизики Б. Рассел, считавший, что философия начинается с анализа суждения, подверг резкой критике предшествующую метафизику (прежде всего философию Лейбница) за то, что она опирается на традиционное логическое допущение о том, что все суждения имеют субъектно-предикатную форму. Рассел приложил немало усилий для разработки новой — в противовес традиционной аристотелевской — логики как более надежного инструмента в онтологических изысканиях.

В связи с этим многие исследователи полагают, что для понимания сути аналитической метафизики не столько важно ее методологическое или, даже можно сказать, формальное сходство с аристотелевским онтологическим подходом, сколько тот факт, что она являет собой продолжение движения, начатого Кантом. С критической философией

Канта связывают поворотный пункт в истории онтологии, который можно охарактеризовать как «гносеологическую революцию». Немецкий мыслитель отверг старую метафизику в ее аристотелевском и рационалистическом вариантах на том основании, что она представляет собой попытку познать то, что лежит за пределами человеческого опыта, используя при этом те концептуальные структуры, которые мы применяем, имея дело с опытом. Эту традиционную метафизику Кант назвал трансцендентной и противопоставил ей критическую метафизику, связанную с осознанием того, что мир, с которым субъект находится в познавательном отношении (мир феноменов), представляет собой результат оформления чувственного материала, получаемого в опыте, априорным категориальным аппаратом самого субъекта. В результате у Канта, как отмечает профессор А.Л. Доброхотов, «единая для докантовского мышления способность выхода в измерение истинного бытия распределена между теоретической способностью, обнаруживающей сверхчувственное бытие как трансцендентную запредельность, и практической способностью, открывающей бытие как посюстороннюю реальность свободы» [Доброхотов, 2001, с. 151], а это означает, что философия с помощью доступных ей средств концептуального анализа не может давать нам прямого описания реальности как таковой; если метафизика возможна, то лишь в виде анализа того, как мы мыслим о реальности, лишь в виде описания наиболее общих черт нашего мышления и знания.

Согласно М. Даммиту, аналитические философы сделали еще один шаг в этом же направлении, осознав, что поскольку мышление неразрывно связано с языком⁶ и структурируется им, то метафизика возможна лишь как анализ того, как мы говорим о реальности. Но означает ли

⁶ С точки зрения Даммита, прежде философы представляли язык как своего рода код: понятия кодируются в словах, а мысли, составленные из понятий, кодируются в предложениях. Идея языка как кода в принципе не исключает возможности проникновения в чистую суть мысли, освобожденную от лингвистического облачения, и, «с этой точки зрения нам нужен язык только потому, что мы лишены способности телепатии, т.е. способности непосредственной передачи мыслей» [Dummett, 1996, p. 97]. Первым, согласно Даммиту, сущностную связь между языком и мышлением усмотрел Г. Фреге. Он сумел понять, что способность быть переданной от одного человека к другому, причем переданной полностью, без остатка, составляет сущность мысли и этой способностью она обладает только благодаря языку, поэтому, когда «философ пытается освободить мысль от ее лингвистического облачения и проникнуть в ее обнаженную суть, он в результате лишь смешивает саму мысль с субъективными внутренними переживаниями, сопутствующими мышлению» [Dummett, 1978, p. 442]. Мы не будем здесь касаться вопроса о том, насколько прав Даммит в отношении первенства Фреге в этом вопросе, но аналитические философы действительно признают неразрывную связь между языком и мышлением.

это, что метафизик, рассматривающий реальность через «призму» языка, обречен иметь дело только с миром, изначально организованным и оформленным концептуальной схемой этого языка, и поэтому вопрос о том, какова реальность сама по себе, независимо оттого, с помощью какого языка мы ее описываем, просто утрачивает смысл? Означает ли это, что лингвистический подход к онтологии предопределяет кантианскую позицию аналитических метафизиков? Как мы увидим, онтологические концепции, предложенные в рамках аналитической философии, не позволяют дать однозначного ответа на этот вопрос. Более того, на наш взгляд, данный вопрос образует главный «нерв» аналитической метафизики. Утвердительный ответ на него ведет к идеализму и релятивизму, отрицательный — к догматизму. Поиски решения, преодолевающего эти крайности, и определяют направление развития этой метафизики.

Вместе с тем сказанное означает, что в аналитической философии особую остроту приобретает проблема истолкования и обоснования реализма. Таким образом, мы подошли к теме, которая является целью нашего исследования. Следует отметить, что аналитические философы не только предложили новый — основанный на анализе языка — тип метафизики, но и внесли существенные изменения в понимание такой важной философской позиции, как реализм.

Термин «реализм» (от *лат. res*, означающего *вещь* как в конкретном, так и абстрактном смысле) имеет давнюю историю. Первое из наиболее известных его употреблений в философии связано со средневековым спором об универсалиях, ставшим важным событием в схоластическом философствовании. Этот спор касался онтологического статуса общих понятий, выражающих свойства и отношения и, как правило, выполняющих предикативную функцию (например, «красный», «больше» и т.п.). Реалисты отстаивали объективное и независимое от познающего субъекта существование универсалий, а их противники — в лице номиналистов и концептуалистов — видели в них лишь присутствующие в человеческом уме общие имена или понятия. Во многом благодаря Канту⁷ реализм стали воспринимать как

⁷ Кант, как известно, проводил различие между эмпирическим и трансцендентальным реализмом. Эмпирический реалист полагает, что мы можем непосредственно воспринимать материальные вещи, существующие в пространстве и времени, однако обязательным дополнением этой позиции является трансцендентальный идеализм, согласно которому материальные вещи, как объекты восприятия, имеют статус явлений. По мнению же трансцендентального реалиста, природа и существование материальных объектов полностью не зависит от нашего познания, однако в этом случае реалист оказывается эм-

представление о том, что в нашем опыте мы воспринимаем предметы, существование и природа которых не зависит от нашего восприятия. При таком истолковании реализм противостоит уже не номинализму и концептуализму, а идеализму, ставящему существование внешних вещей в ту или иную зависимость от познающего субъекта. Именно в таком ключе понимали реализм представители разнообразных реалистических течений в англо-американской философии (неореализма, критического реализма и др.), возникших на рубеже XX в. как «реакция» на абсолютный идеализм доминировавшего в тот период неогегельянства и отражавших стремление философов создать философию, согласующуюся со здравым смыслом и наукой. Вместе с тем уже на этом этапе в число воспринимаемых (в широком смысле) предметов стали включать не только внешние вещи, но и сущности другого рода (универсалии, абстрактные объекты вроде суждений, чисел и т.п.), и реализм, таким образом, постепенно приобрел более широкое значение: его стали связывать с признанием реального и независимого от сознания существования каких бы то ни было объектов и сущностей. В результате реализм стал очень неоднородным философским направлением, поскольку совершенно очевидно, что реалист относительно абстрактных объектов и реалист относительно вещей внешнего мира могут быть непримиримыми противниками.

Эта неоднородность реализма еще более усилилась в рамках аналитической философии. Если первые аналитические философы, такие как Б. Рассел, Дж. Мур и др., еще воспринимали реализм как определенную позицию в философии восприятия, то во второй половине XX в. баталии между реалистами и их противниками перекинулись и в философию науки, и в этику, и в философию сознания, но главным их полем стала философия языка. В определенной мере это объясняется тем, что в аналитической метафизике основной упор делается на выявление тех категорий языковых выражений, которые несут, так сказать, онтологическую нагрузку, т.е. используются для обозначения разных видов сущего. В результате в центре внимания философов оказывается понятие референции, которое выступает своего рода индикатором существующего. Это представление о референции стало почти «общим местом»: для многих аналитических философов вопрос об онтологическом статусе тех или иных видов объектов и вопрос о референциальном

пирическим идеалистом, поскольку существование материальных вещей должно выводиться из непосредственных субъективных данных сознания, а стало быть, он неизбежно оказывается скептиком. Сам Кант стоял на позициях эмпирического реализма.

статусе языковых выражений, обозначающих эти виды объектов, — это, по сути, один и тот же вопрос. А поскольку язык изобилует разными видами языковых выражений: в нем есть и научные термины, и оценочные, и психологические и многие другие, то при таком подходе вполне естественно задаться вопросом об их референциальном статусе. Учитывая, что язык, будучи творением человека, представляет собой чрезвычайно богатый и сложный феномен, проявляющийся в огромном многообразии форм, и, более того, человечество накопило большой опыт конструирования новых языков в разных областях: в науке, искусстве, технологии и т.п., — рассмотрение реальности через «призму» языка неизбежно приводит к тому, что такая «призма» калейдоскопически множит образы мира и соответственно порождает великое разнообразие реалистических концепций.

Вслед за отечественным исследователем аналитической философии А.М. Грязновым мы будем называть реализм, выдвигаемый в рамках данного направления, аналитическим⁸. «Многоликость» аналитического реализма, безусловно, не может не поражать. Страницы философских журналов и монографий пестрят названиями разнообразных реалистических концепций («научный реализм», «непосредственный реализм», «эпистемологический реализм», «модальный реализм», «этический реализм», «внутренний реализм» и т.п.). Более того, ни одна другая тема не поляризует современную философию в такой мере, как это делает реализм, который для одних выступает как худшее проявление «логоцентризма», а для других служит гарантом объективности знания. Хотя наша цель состоит в том, чтобы попытаться разобраться, что представляет собой аналитический реализм, мы вовсе не ставим перед собой задачи дать более или менее полную панораму реалистических концепций, предложенных в рамках аналитической философии, ибо, на наш взгляд, такая задача практически невыполнима. Мы подойдем к проблеме аналитического реализма с другой стороны.

Наше исследование состоит из двух частей. В первой части книги мы рассмотрим модели соотношения языка и реальности, предложенные крупнейшими аналитическими философами XX в. Это позволит понять, как ставилась и решалась проблема реализма в аналитической метафизике. Во второй части книги мы покажем, как трактуется при-

⁸ См.: [Грязнов, 1983]. Правда, Грязнов в своей статье ограничивается рассмотрением концепций, сформулированных в рамках дискуссии, состоявшейся в 1960–1970-е годы в философии восприятия. В частности, в центре его внимания оказываются «усовершенствованный реализм» А. Айера, «научный реализм» Дж. Макки и «непосредственный реализм» П. Стросона.

рода аналитического реализма философами в наши дни. Здесь, на наш взгляд, наибольший интерес представляют концепция «семантического реализма» М. Даммита и концепция «неметафизического реализма» Х. Патнэма. Наконец, в завершение мы обратимся к дискуссиям между научными реалистами и их противниками, которые с наибольшим накалом проходили в 1960–1970-е годы, но в более спокойной манере продолжаются и по сей день, с целью уяснить, какое место занимает в них аналитический реализм.

Часть I

**МОДЕЛИ
СООТНОШЕНИЯ
ЯЗЫКА И РЕАЛЬНОСТИ
В АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ XX В.**

Анализ языка служит ключом к выявлению структуры и содержания реальности. Такова позиция создателей аналитической метафизики, которые убеждены в том, что, изучая феномен языка, его общие черты и механизмы функционирования, можно составить представление и об онтологическом строении мира, т.е. установить, что имеет статус существующего. Конечно, речь здесь идет не о существовании отдельных конкретных предметов, так как эта задача решается эмпирическим путем. Речь идет о таких наиболее общих категориях, как физические вещи и процессы, свойства и отношения, абстрактные объекты вроде чисел и множеств, психические феномены и т.п. Что же из перечисленного можно признать существующим? Для большинства аналитических философов сам факт использования слова с тем, чтобы говорить о чем-то, еще не считается свидетельством существования этого чего-то, однако, полагают они, если разработать соответствующий метод анализа языка, то можно определить, каким требованиям должны отвечать языковые выражения, чтобы мы признали их обозначающими нечто существующее. Более того, с их точки зрения подобный анализ представляет собой единственный способ, каким философы могут решать онтологические проблемы.

На чем основывается эта убежденность в плодотворности анализа языка? Что служит оправданием для аналитической метафизики? В поисках ответа на этот вопрос философ неизбежно оказывается перед необходимостью разъяснить, как он понимает связь между языком и реальностью. Именно эта проблема — проблема соотношения языка и реальности — является ключевой для аналитической метафизики. Об этом свидетельствует тот факт, что многих ее представителей в значительно большей степени заботит решение данной проблемы, чем выстраивание собственно онтологической концепции.

Наше обращение к этой проблеме также неслучайно, поскольку она приобретает особое значение в контексте исследования природы аналитического реализма. Характеризуя, какая связь имеет место между языком и реальностью, философ тем самым ставит вопрос, является ли мир, который мы описываем с помощью языка, независимым от нас и нашего языка, т.е. обладает ли он реальным существованием, и, если да, то как можно обосновать веру в его объективность. Это означает, что так или иначе он решает вопрос о своем понимании реализма и об отношении к нему. Исследуя, как философ представляет себе связь между

языком и реальностью, мы получаем хороший ракурс для рассмотрения его трактовки реализма.

Важно подчеркнуть, что при обсуждении соотношения языка и реальности аналитические философы обсуждают очень широкий спектр вопросов; иначе говоря, эта проблема имеет довольно сложную структуру, в которой можно выделить несколько наиболее важных составляющих.

Во-первых, эта проблема предполагает ответ на вопрос, что представляет собой язык, как он включается в систему взаимодействия человека и мира. Каковы его основные функции и какое место среди них занимает репрезентирующая функция?

Во-вторых, если язык — это система знаков, имеющих значение, то что следует понимать под значением слова — благодаря чему удается «вдохнуть жизнь» в простые звуки и начертания и сделать их языковыми символами? Как связаны между собой значение языкового выражения и то, что оно обозначает?

В-третьих, поскольку в аналитической философии центральными понятиями, выражающими отношение между языком и реальностью, оказываются понятия истины и референции, то встает вопрос о том, какое истолкование они получают и как они связаны между собой.

В-четвертых, поскольку в решении онтологических проблем аналитические философы опираются на анализ языка, то следует установить, каким должен быть этот анализ, а стало быть, какая логика лежит в основании языка и, главное, необходимо ли реформирование логической структуры языка (скажем, с помощью использования искусственных логически совершенных языков) в целях выявления онтологической структуры мира.

В-пятых, поскольку анализ аналитических философов направлен прежде всего на выделение языковых выражений, имеющих онтологическую нагрузку, т.е. обозначающих что-то существующее, то возникает вопрос, согласно какому критерию мы можем выделить эти языковые выражения. Иными словами, появляется необходимость сформулировать критерий существования, а вместе с тем и ответить на вопрос, что следует понимать под существованием.

Таким образом, предлагая свои решения для проблемы связи между языком и миром, аналитические философы, по сути, так или иначе отвечают на перечисленные вопросы. Учитывая сложную структуру этих решений, мы будем называть их «моделями соотношения языка и реальности», и наша задача будет состоять в том, чтобы показать, какие модели были предложены и как происходило их развитие, т.е. как

менялись представления аналитических философов по этой ключевой проблеме. Мы отнюдь не претендуем на сколько-нибудь полное изображение развития этих представлений, поскольку для этого пришлось бы написать подробную историю практически всей аналитической философии. Наша задача куда более скромная и простая — представить то, что нам видится важными вехами на этом пути. Мы отобрали для изложения наиболее влиятельные и в то же время наиболее целостные и полные трактовки отношения между языком и реальностью, предложенные выдающимися аналитическими философами XX в. — Берtrandом Расселом, Людвигом Витгенштейном, Рудольфом Карнапом, Уиллардом Ван Орманом Куайном, Питером Стросоном, Дональдом Дэвидсоном и Майклом Даммитом. Влиятельность этих трактовок не в последнюю очередь объясняется масштабностью и ясностью лежащих в их основании идей, представленных к тому же в чистом и прозрачном виде. Кроме того, в своем выборе мы руководствовались тем, что большинство из перечисленных философов предложили онтологические концепции, в которых они признали реальное существование определенного рода объектов и сущностей, поэтому их представления о соотношении языка и реальности проливают свет и на проблему истолкования и обоснования реализма, а она составляет главную цель нашего исследования.

ФОРМАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, ЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И МИР

В этой главе описывается первый этап в развитии представлений о языке и мире в рамках аналитической философии. Главная особенность моделей соотношения языка и реальности, разработанных на этом этапе, состоит в том, что на них доминирующее влияние оказали идеи немецкого математика, логика и философа Готлоба Фреге. Созданная Фреге концепция новой логики, формально-логического языка и логической семантики задала ракурс рассмотрения связи между языком и тем, для описания чего этот язык используется, который в разных вариантах попытались реализовать такие философы, как Рассел, Витгенштейн и Карнап. Преимущество подобного подхода эти философы видели в том, что благодаря четкости логической структуры формального языка и точности его правил приобретают вполне обозримый вид отношения между элементами языка и структурными компонентами мира, которые они обозначают. В естественных языках, которые создавались стихийно и в ходе исторического развития подвергались воздействию самых разнообразных факторов, эти отношения скрыты под толщей случайных зависимостей, поэтому, осуществляя перевод выражений этих языков на логически совершенный язык, мы получаем возможность выявить онтологические предпосылки, лежащие в их основе.

Концепция языка Фреге и связанные с ней возможности логического анализа послужили стимулом для создания Расселом и Витгенштейном метафизических теорий под названием «логический атомизм». И хотя оба философа внесли важные изменения в эту концепцию, подстраивая ее под свои философские нужды, эти изменения во многом еще лежали в русле развития основных идей, сформулированных в философии языка Фреге. В духе этих идей Рудольфом Карнапом была

разработана развернутая семантическая теория, названная им методом экстенционала и интенционала. Несмотря на то что логический позитивист Карнап был последовательным и непреклонным противником метафизики во всех ее формах, он дал определенное, согласующееся с его семантикой решение проблемы соотношения языка и онтологии в виде теории языковых каркасов. Именно эти теории Рассела, Витгенштейна и Карнапа будут в центре нашего внимания в этой главе, но начнем мы с Фреге.

1.1. Язык и онтология в философии Г. Фреге

Свое рассмотрение развития идей о связи между языком и реальностью в аналитической философии мы начинаем с изложения взглядов выдающегося немецкого мыслителя Готлоба Фреге (1848–1925), поэтому неизбежно возникает вопрос, насколько правомерен выбор такой отправной точки для нашего исследования. Есть очень серьезные возражения против отнесения Фреге к аналитической традиции, состоящие в том, что он был последовательным противником эмпиризма и номинализма — философских учений, доминирующих в аналитической философии, не разделял характерных для многих представителей этого направления антиметафизических и позитивистских установок и отнюдь не считал логико-лингвистический анализ единственным законным методом решения философских проблем. Однако это не помешало известному британскому философу Майклу Даммиту объявить Фреге «предтечей аналитической философии», а саму аналитическую философию охарактеризовать как «постфрегевскую». Даммит полагает, что эту философию в ее разнообразных проявлениях отличает от других школ «убеждение в том, что, во-первых, философского понимания мышления можно достичь посредством философского осмысления языка и, во-вторых, только таким образом можно достичь исчерпывающего понимания мышления» [Dummett, 1994, p. 4], поэтому аналитическая философия родилась, когда произошел «лингвистический поворот», и первым произведением, в котором можно усмотреть признаки такого «поворота», Даммит считает «Основания арифметики» (1884) Фреге. Мы не будем здесь касаться вопроса о том, насколько правомерна такая трактовка специфики аналитической философии, однако, на наш взгляд, Даммит в изрядной мере «осовременивает» идеи немецкого мыслителя, которые, как отмечает отечественный исследователь творчества Фреге Б.В. Бирюков, во многом «были прямой

противоположностью этого философского направления» [Бирюков, 2000, с. 61–62]. Вместе с тем Фреге действительно оказал колоссальное влияние на развитие аналитической философии, которого нельзя не учитывать, особенно если рассматриваешь вопрос о взглядах аналитических философов на соотношение языка и реальности. И хотя сам немецкий мыслитель не связывал напрямую анализ языка с решением онтологических проблем, созданная им концепция языка и логики была воспринята многими философами как инструмент построения онтологии. Поэтому его идеи — вполне оправданная отправная точка для нашего исследования, правда, с некоторой оговоркой, состоящей в том, что основное внимание мы сосредоточим на тех аспектах его логико-философской концепции, которые получили «вторую жизнь» в аналитической традиции. Поскольку же Фреге не выводит свою метафизику из исследования языка, а, скорее, создает язык для определенной — заранее заданной — онтологии, мы вначале рассмотрим, какие категории сущего он признает во вселенной, а затем перейдем к его концепции языка.

Фреге очень необычный мыслитель, поскольку его творческий поиск осуществлялся на стыке философии и математики. Свою главную задачу он видел в том, чтобы подвести под арифметику надежное логическое основание, продемонстрировав возможность определения ее основных понятий и аксиом в терминах чистой логики. Таким образом, Фреге первым выдвинул программу обоснования арифметики путем сведения ее к логике, которая получила название «логицизм». Для выполнения этой программы он создал совершенно новую логику, осуществив первое аксиоматическое построение пропозиционального исчисления и построив теорию квантификации и исчисления предикатов, которые образуют ядро современной математической логики. Эта новая логическая система была сформулирована Фреге на специально разработанном им формально-логическом языке. Задавая интерпретацию этого искусственного языка, Фреге заложил основы логической семантики, однако если в дальнейшем при создании логических языков стали четко отделять их синтаксис (задание словаря исходных символов, формулировка правил образования и преобразования выражений языка и т.п.) от семантики (сопоставление категориям языковых выражений различных типов внеязыковых сущностей), то Фреге выстраивает синтаксис и семантику своей системы одновременно по мере введения новых знаков и выражений. Более того, семантика языка формулируется им с учетом уже имеющейся онтологии внеязыкового мира, для представления которой и создается язык. Однако следует

отметить, что Фреге не просто взял стандартную онтологию для арифметики, которая включает теорию чисел и математический анализ, но внес в нее существенные дополнения и изменения, по-новому осмыслив многие математические понятия, прежде всего понятия функции, класса и числа.

Начнем с того, что Фреге включает в свою онтологию такие типы объектов, как функции и предметы, которые могут выступать в роли аргументов и значений функций. При этом он значительно расширил понятие функции, освободив ее от связи с числами и определив в качестве ее возможных аргументов и значений любые другие предметы, например физические вещи, людей и т.п. Помимо перечисленных он включил в число предметов два абстрактных объекта — «истину» и «ложь», которые являются аргументами и(или) значениями особой категории функций — так называемых логических функций. Частным случаем логических функций (с одним аргументом, определенным на области произвольных предметов, и «истиной» и «ложью» в качестве значения) у Фреге оказываются понятия, которые играют ключевую роль в его логической системе, ибо, относя к арифметике все то, что поддается счету, он полагал, что ее область совпадает с областью понятийного мышления¹. Поскольку, по его мнению, понятие должно указывать, каким свойством нужно обладать предмету, чтобы подпадать под данное понятие, именно в понятиях он усматривал «основание существования классов». Отождествив понятие с общим свойством, которым должны обладать подпадающие под него предметы, а объем понятия — с классом этих предметов, Фреге ввел в свою онтологию такие важные сущности, как свойства и классы. Кроме того, он особо выделил еще два вида логических функций — отношения (функции с двумя аргументами, определенными на области произвольных предметов, и «истиной» и «ложью» в качестве значения) и пропозициональные функции, где и аргументами, и значениями выступают «истина» и «ложь», которые в дальнейшем стали называть истинностными значениями.

Таким образом, мы видим, что онтология Фреге довольно богата; она содержит физические вещи, людей, разнообразные абстрактные предметы (числа, классы, истинностные значения), функции, включающие понятия (свойства) и отношения. В последующем, когда его интерес сместился к естественным языкам, его онтология претерпела определенное изменение, поскольку в ней важное место стали зани-

¹ Неслучайно поэтому свое логическое исчисление он называет «записью в понятиях» (Begriffsschrift).

мать «смыслы» и «мысли» как объективные непсихические содержания мышления. Поэтому в целом онтологическую концепцию Фреге можно квалифицировать как реализм в традиционном смысле и, в частности, как математический платонизм, ибо, с его точки зрения, абстрактные предметы, хотя и не существуют в пространстве и времени и не могут воздействовать на органы чувств человека, тем не менее обладают таким же объективным существованием, как и конкретные физические вещи. Под «объективным» Фреге понимает существование, независимое от психических процессов, происходящих в голове человека, т.е. независимое от ощущений, восприятий и представлений. Поясняя, что он имеет в виду, он приводит в качестве примера экватор: мы не можем видеть экватор или ехать по нему, но от этого он не становится субъективным или иллюзорным, ибо высказывания о нем могут быть объективно истинными или ложными. В таком же духе он говорит и об абстрактных математических предметах (числах и функциях), которые, по его мнению, математик не может создавать: «он так же мало имеет на это право, как и географ; он тоже может лишь открывать то, что существует, и давать ему название» [Frege, 1884, S. 107–108; цит. по: Бирюков, 2000, с. 33]. В последние годы жизни, трудясь над работами, объединенными под общим названием «Логические исследования», Фреге развил далее свои онтологические идеи, сформулировав концепцию «трех царств»: царства физических вещей, царства психических явлений (представлений) и царства абстрактных предметов. Отличительной особенностью обитателей третьего царства, считает он, является их неизменный и вневременной характер. Свои онтологические идеи он дополнил и определенной гносеологической концепцией, которая главным образом касается вопроса познания человеком сущностей, принадлежащих к «третьему царству». Согласно Фреге, «если мы хотим выйти за пределы субъективного, мы должны понимать познание как деятельность, которая не создает познаваемого, а лишь схватывает существующее» [Frege, 1893, S. xxiv; цит. по: Бирюков, 2000, с. 30]. Мысль как нечто объективное не нуждается для своего бытия в мыслящем человеке. «Если бы человек не мог мыслить и делать предметом своего мышления то, носителем чего он не является, то он, быть может, обладал бы внутренним миром, но окружающего мира для него не существовало бы» [Фреге, 2000, с. 338], поэтому мышление не создает мыслей — оно только схватывает, постигает их. Но если физическая вещь может быть «схвачена» с помощью органов чувств, то как мы «схватываем» мысль? Она не может быть представлена разным людям разными способами, считает Фреге, иначе она не была бы одной и той же мыслью; вместе с тем процесс постижения

мыслей человеком, по его мнению, является «самым таинственным» из всего, с чем имеет дело человек².

Обрисовав в общих чертах онтологию, или область «обозначаемого», у Фреге, мы можем теперь перейти к области «обозначающего», т.е. к тому, каким образом многообразие онтологических сущностей представлено в знаках созданного им языка. В том, как он решает эту задачу, в не меньшей мере проявился его новаторский подход.

Следуя традиции, Фреге определил языковые выражения, обозначающие отдельные предметы из описанного им «универсума», как имена собственные. Однако в их число он включил не только привычные для нас имена собственные вроде «Сократа» или «Парижа», но также выражения, получившие в дальнейшем название «определенных дескрипций» (например «нынешний король Франции»), отождествив тем самым имя собственное с единичным термином. Более того, Фреге стал трактовать как имена собственные целые повествовательные предложения, которые, по его мнению, обозначают абстрактные предметы «истину» и «ложь». Назвав отношение между именем и обозначаемым им конкретным или абстрактным предметом именованием, Фреге выявил основные его свойства³, но о них речь пойдет чуть позже.

Для обозначения функций он использовал категорию функциональных выражений, отметив такую их важнейшую особенность, как «ненасыщенность» или «невозполненность». На необходимость восполнения функциональных выражений указывает наличие в них переменных, вместо которых может быть подставлено имя предмета, благодаря чему само функциональное выражение превращается в имя предмета. Поскольку понятия являются частным случаем функций, обозначающие их выражения также являются ненасыщенными, и их восполнение именем предмета (например, путем подстановки вместо x в « x смертен» имени «Сократ») превращает их в предложения, которые являются истинными или ложными. Истолкование понятийных выражений как не-

² Многие философы считают, что Фреге не удалось разрешить эту «проблему сцепления» мыслей и когнитивных актов, в которых мысль участвует в качестве «содержания». Даммит, напротив же, полагает, что немецкому философу удалось найти решение этой проблемы. Осознав, что единственный доступ, который мы имеем к мыслям, обеспечивает их вербальное выражение, Фреге, считает Даммит, переформулировал вопрос о схватывании мыслей как вопрос о том, как мы понимаем выражающие их предложения, а на этот последний вопрос у него есть вполне четкий ответ: понимать предложение значит знать условия, при которых оно является истинным.

³ Четкую формулировку этих свойств, обозначив их как «принципы отношения именованья», дал Р. Карнап в своей работе «Значение и необходимость» (см.: [Карнап, 1959, с. 157–163]).

насыщенных позволило Фреге по-новому решить проблему единства суждения. Если в традиционной логике для связи субъекта и предиката суждения требовалась специальная предикцирующая связка (*copula*), то у Фреге понятийные слова (а также слова, выражающие отношения) обладают предикативным характером уже в силу своей природы, и поэтому никакой специальной связки не требуется⁴.

Что касается логических терминов, то Фреге использует в качестве исходных «импликацию» и «отрицание», а все остальные пропозициональные связки определяет через них. Кроме того, он изобретает кванторы; в результате переменные используются им не только для указания ненасыщенности функциональных терминов, но и для выражения всеобщности. Вместе с тем теория квантификации в представлении Фреге позволяет точными средствами выразить, что есть существование. Поскольку операция квантификации отделяется им от предикативного компонента квантифицированного суждения, существование перестает быть атрибутом, пусть и особым, отдельных предметов и превращается в свойство понятий⁵. Так, примененный к понятию, квантор существования означает, что при подстановке по крайней мере одного имени предмета это понятие превращается в предложение, имеющее в качестве истинностного значения «истину», т.е., иными словами, это понятие не является пустым. Поскольку существование является свойством понятий (или понятием второй ступени), то совершенно бессмысленно, считает Фреге, приписывать его отдельным предметам; например, по его мнению, «предложение “существует Юлий Цезарь” не истинно и не ложно, оно не имеет смысла» [Фреге, 2000, с. 259]. Конечно, в своих повседневных высказываниях люди часто приписывают существование отдельным предметам, но то, что при этом имеется в виду, по мнению Фреге, лучше выражает слово «действительность» или «реальность»

⁴ Это означает, что наряду с одноместными (или атрибутивными) предикатами, которые анализировались в аристотелевской логике, Фреге по сути ввел многоместные (или реляционные) предикаты. Более того, приписав предикатам роль функции, а сингулярным терминам (именам собственным) — роль аргумента в той или иной функции, он провел между ними четкое различие (теперь уже один и тот же термин не может использоваться и как предикат, и как субъект суждения) и уподобил их соединению в суждении соединению функции и аргумента.

⁵ Фреге следующим образом характеризует свойство понятий: «Если, к примеру, мы собираем под одним понятием все понятия, под которые подпадает только один предмет, то единичность является одной из характеристик этого нового понятия. Под него подпало бы, к примеру, понятие “спутник Земли”, а не действительное небесное тело, называемое этим именем. Таким образом, мы можем одно понятие подвести под другое более высокое понятие или, так сказать, понятие второй ступени» [Frege, 1950, p. 65].

(Wirklichkeit), т.е. о предметах в этом случае следует говорить, что они являются действительными или реальными.

Простое соотнесение разных типов онтологических сущностей к категориями языковых выражений Фреге считал недостаточным для задания интерпретации языка и поэтому он разработал теорию смысла и значения⁶, которая является квинтэссенцией его логической семантики и, более того, позволяет соединить, через посредство языковых знаков, конкретные и абстрактные предметы. Различение значения и смысла Фреге применяет к именам собственным⁷, считая, что значением имени является предмет, который оно обозначает, а смыслом — информация, которую оно в себе несет. Необходимость такого различения он обосновывает тем, что два имени, обозначающие один и тот же предмет и соответственно имеющие одно и то же значение (например «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда»), могут сообщать нам разную информацию, и поэтому, скажем, утверждение тождества «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда» является для нас когнитивно информативным (ибо отражает важное астрономическое открытие), тогда как «Утренняя звезда есть Утренняя звезда» — нет. Согласно Фреге, это обстоятельство объясняется тем, что эти два имени, обозначающие один и тот же предмет, различаются по смыслу. Это же различие применяется им и к предложениям как особой категории имен собственных, но в этом случае значением выступает «истина» или «ложь», а смыслом — выражаемая предложением мысль.

Как же связаны между собой смысл и значение? Фреге трактует смысл как «способ представления» или «задания» предмета, обозначающего именем, т.е. смысл указывает путь к значению имени. Поскольку один и тот же предмет может обозначаться разными именами, он может иметь разные способы представления. Вместе с тем, полагает Фреге,

⁶ Термины Фреге «Sinn» и «Bedeutung» правильно переводить как «смысл» и «значение», соответственно, однако, поскольку во многих языках эти слова используются почти как синонимы, во избежание путаницы «Bedeutung» стали передавать термином «референция». Так, например, в английском языке статью Фреге «Über Sinn und Bedeutung» принято переводить как «Sense and Reference». Учитывая это обстоятельство, при изложении взглядов Фреге мы будем пользоваться терминами «смысл» и «значение», однако в остальной части книги мы будем говорить о референции, имея в виду то, что обозначается некоторым языковым выражением, термины «значение» и «смысл» будем использовать как взаимозаменяемые, уточняя при необходимости, что под ними понимает тот или иной философ.

⁷ По мнению ряда авторов, Фреге трактовал функциональные и понятийные выражения как имена функций и понятий и поэтому к ним также применимо различение смысла и значения, однако этот вопрос спорный и мы не будем его касаться.

каждое имя может обозначать только один предмет, и смысл этого имени должен однозначно задавать данный предмет, т.е. никакие два имени не могут обладать одним и тем же смыслом, но разными значениями. Более того, имя не может не иметь смысла, хотя у него может и не быть значения, однако подобные «пустые» имена Фреге считал недопустимыми в языке науки и свой формальный язык строил таким образом, чтобы в нем все имена имели своих носителей.

Поскольку создаваемый Фреге формальный язык содержит сложные выражения, образуемые из простых (или исходных) терминов, то он рассматривает, как соотносятся части и целое в сложных выражениях в свете проведенного им различия между смыслом и значением, и формулирует следующую функциональную зависимость: значение сложного выражения есть функция от значения входящих в него частей, а смысл сложного выражения есть, соответственно, функция от смыслов этих частей. Более того, значение целого однозначным образом зависит от значения его частей, и если какая-либо часть лишена значения, то и целое лишено его. Так, согласно Фреге, предложения с пустыми именами не имеют истинностного значения.

Хотя логическая семантика Фреге включает в себя смыслы, построенный им язык является экстенциональным, ибо объемы (экстенсионалы) понятий и значения играют в нем доминирующую роль. Как отмечает Б.В. Бирюков, «экстенциональность была заложена в самом способе развертывания фрегевского исчисления» [Бирюков, 2000, с. 37]. Во-первых, в его логической системе истинностные значения сложных предложений однозначно определяются истинностными значениями составляющих их простых предложений (эти зависимости как раз и выражают упомянутые выше пропозициональные функции, и хотя Фреге не создал для их определения таблиц истинности, их идея была им уже намечена). Во-вторых, истинностное значение предложения считается в конечном счете зависящим от значения входящих в него имен, т.е. семантическая роль имен собственных состоит прежде всего в том вкладе, который они вносят в истинностное значение предложений. В случае квантифицированных предложений (например «для всякого x верно, что x есть P ») это требует некоторого уточнения. Такое предложение истинно, если входящее в него понятие P «отображает» каждый предмет из области определения x на «истину», и ложно, если имеется такой x , что P отображает его на «ложь». Поскольку не все предметы в области определения могут быть поименованы, истинностное значение квантифицированных предложений зависит не только от значения входящих в них имен, но и от отображений непоименованных предметов. В со-

ответствии с этим Фреге сформулировал важный для его логической системы принцип взаимозаменяемости, согласно которому значение сложного выражения не изменится, если входящие в него выражения будут заменены выражениями с тем же значением. Языковые контексты, в которых выполняется этот принцип, были в последующем названы экстенциональными.

Большая заслуга Фреге заключается в том, что он попытался применить свои логические и семантические идеи к естественному языку, заложив тем самым традицию «переносить результаты, полученные в семантике точных языков, на анализ естественного языка, производя необходимые адаптирующие изменения» [Nelson, 1992, p. 54]. Это тем более удивительно, что немецкий мыслитель часто гневно обрушивался на недостатки естественного языка, провозглашая задачей логика и философа «освобождение от языка» или даже «борьбу» с ним.

Фреге осознает, что необходимость адаптирующих изменений вызвана тем, что естественный язык и даже тот язык, на котором говорят ученые, не является, строго говоря, экстенциональным, поскольку его слова могут иметь разное значение в разных контекстах употребления. Поэтому во Введении к «Основаниям арифметики», где Фреге дает неформальное изложение своих идей, он формулирует известный «принцип контекстуальности», согласно которому «ставить вопрос о значении слов надо, учитывая их взаимосвязь» и «только в контексте предложения слова нечто обозначают» [Frege, 1884, S. xxii; цит. по: Бирюков, 2000, с. 496]. Именно этому принципу, считает Б.В. Бирюков, Фреге находит применение, когда рассматривает придаточные предложения. В таких предложениях подстановка имен с одинаковым значением может привести к изменению истинностного значения всего предложения, и, кроме того, нет однозначной зависимости истинностного значения сложноподчиненного предложения от истинностного значения содержащегося в нем придаточного предложения. Так, предложение «Петя знает, что Пушкин написал “Евгения Онегина”», может быть как истинным, так и ложным, хотя его придаточное предложение бесспорно истинно в любом случае. Поэтому Фреге предлагает рассматривать придаточные предложения как имеющие косвенное значение, т.е. их значением является не «истина» или «ложь», а то, что выступает их смыслом при их обычном — прямом — употреблении. В придаточных предложениях косвенное значение имеют и входящие в них имена собственные, т.е. их значением становится то, что при прямом употреблении было бы их смыслом.

Другое адаптирующее изменение связано с тем, что выражения естественного языка имеют, согласно Фреге, не только значение и

смысл, но также «окраску» и «силу». Например, два предложения «*A* и *B*» и «Не только *A*, но и *B*» выражают одну и ту же мысль, но различаются по «окраске», т.е. «содержание предложения нередко превосходит содержание той мысли, которая в нем выражена» [Фреге, 2000, с. 331], и это дополнительное содержание как раз и выражает то, что Фреге называет окраской. Кроме того, предложения естественного языка, считает он, могут произноситься с разной «силой» — как ассерторические или как вопросительные. Вопросительные предложения (Фреге имеет в виду общие вопросы, требующие ответа «да» или «нет») совпадают по смыслу с соответствующими ассерторическими предложениями, и различие между ними состоит лишь в том, что в первом случае мы спрашиваем, являются ли выражаемые ими мысли истинными, а во втором случае мы утверждаем их истинность.

В завершении нашего изложения семантики Фреге уместно коснуться вопроса о роли в ней понятия истины. Как мы видели, истина представляет собой принципиально важный абстрактный предмет в онтологии Фреге, ибо даже саму логику он определяет как «науку о наиболее общих законах бытия истины» (цит. по: [Бирюков, 2000, с. 36]). По его мнению, человек не способен напрямую схватывать истину, но всегда постигает ее через конкретные предложения, которые ее обозначают. Конечно, говорит Фреге, мы можем выразить мысль, и не утверждая ее истинности. Когда же мы оцениваем мысль как истинную, мы «движемся от мысли к истинностному значению», однако это движение не означает, что имеется еще одна мысль о том, что первая мысль истинна. Отсюда следует, что, предваряя предложение, выражающее определенную мысль, словами «истинно, что», мы не сообщаем ему ассерторической силы, но просто выражаем ту же самую мысль. В дальнейшем такого рода соображения легли в основу «избыточной» концепции истины (*redundancy theory of truth*).

Фреге высказал и немало других ценных и удивительных по своей глубине идей относительно значения, понимания языковых выражений, истины и иных семантических аспектов языка, которые, как мы увидим, продолжают оставаться в центре внимания аналитических философов.

Итак, подведем итоги. Размышления Фреге о языке и онтологии явились продолжением его исследований по логике и основаниям математики, нацеленным на сведение арифметики к логике. Он еще не воспринимал построение языка как задающее определенную онтологию, хотя желал он того или нет, но онтологические вопросы оказались у него тесно связанными с исследованием языка. Поскольку свой фор-

мальный язык он создавал для описания предметной области арифметики и для осуществления логицистской программы, отношение между языком и внеязыковой реальностью не представляет для него особой проблемы и не заключает в себе ничего загадочного. Можно сказать, что в его системе множество слов (имен собственных) просто отображается (в математическом смысле) на множество предметов, и поэтому отношение между знаками языка и элементами онтологии, которое он называет отношением именованя, является прямым, конвенциональным и не требующим никакого обоснования. Фреге исключает из своего рассмотрения тех, кто использует язык, чтобы говорить о мире; они просто имеют в своем распоряжении готовую систему «язык-мир», никоим образом не влияя на природу связи между словом и предметом и не участвуют в механизмах установления этой связи. При таком подходе язык (*langue* в терминологии Ф. де Соссюра) берется в полном отрыве от речи (*parole*), что позволяет полностью отвлечься от всех иных его функций, кроме репрезентативной. В этом случае язык воспринимается исключительно как система знаков, используемая для описания внешнего мира.

Безусловно, такой подход был в каком-то смысле настоящим прорывом в представлениях о языке. В течение долгого времени в философии преобладала трактовка языковых выражений как «знаков идей», которая в основном опиралась на картезианское представление о том, что сознание и идеи отделены от внешнего мира «эпистемической пропастью», поэтому главная задача состоит в том, чтобы установить, как связаны между собой ментальные сущности и объекты в мире. Эта задача решалась по-разному: ментальные сущности или трактовались как причинно обусловленные физическими вещами (как, например, у Дж. Локка), или рассматривались как «естественные знаки предметов» в силу заложенной в природе разума направленности на объект (как, например, у Ф. Brentano), а уже потом эти ментальные сущности конвенционально связывались с языковыми выражениями. Таким образом, слова напрямую обозначали ментальные сущности и лишь опосредованно соотносились с объектами в мире. Фреге, вслед за Дж.С. Миллем, устранил «ментального посредника» в отношении между словом и объектом, создав «референциальную» или «денотативную» семантику.

Как мы видели, изгнав мысли и смыслы из сферы психического, Фреге поместил их в «третье царство» вневременных и неизменных предметов, которые в своем существовании не зависят от их схватывания кем бы то ни было. Практическим следствием этого онтологического решения стало отвержение психологизма в логике. Вместе с тем, как

отмечает Даммит, важность отрицания ментального характера мыслей заключается не в той философской мифологии, которую оно породило, а «в той непсихологической направленности, которая была дана анализу понятий и суждений. И совершенно понятно, почему это привело к аналитической философии, к анализу мышления посредством анализа языка. Ибо если совершается первый шаг — изгнание мыслей и их компонентов из сознания — и философа не удовлетворяет онтологическая мифология, которой это изгнание дополняется, то выход один — попытаться найти что-то немифологическое, но объективное и внешнее по отношению к индивидуальному сознанию, что воплощало бы мысли, которые отдельный субъект схватывает и может принять или отвергнуть. Где еще это можно найти, как не в институте совместного языка?» [Dummett, 1994, p. 25]. Аналитические философы, как известно, вначале попытаются устранить эти абстрактные сущности посредством отождествления значения слова с его референцией, а затем — путем истолкования значения как употребления.

Восприняв этот антикартезианский и антипсихологический подход к языку, аналитические философы вместе с тем взяли у Фреге и созданную им концепцию языка и модель «язык-мир». Созданный Фреге искусственный язык не просто кардинально расширил возможности логической формализации мыслительных операций и мыслительного содержания, но и представил в ясном и четком виде определенные механизмы функционирования любого языка. Это сделало язык в чем-то более понятным и в то же время стимулировало философов к применению аналогичных формально-логических языков для анализа структуры человеческого знания и описания онтологической структуры мира. Не учитывая этого обстоятельства, очень трудно понять, как происходило развитие представлений о связи между языком и миром в рамках аналитической философии, которое в основном состояло или в уточнении и модификации предложенной Фреге модели в целях ее лучшей адаптации к решению онтологических проблем, или в ее преодолении и замене более адекватной моделью, но в любом случае она служила отправной точкой.

В оставшейся части этой главы мы рассмотрим тех философов, которые были лично знакомы с Фреге, испытали непосредственное влияние его идей и восхищались ими тогда, когда научный и философский мир не проявлял к ним особого интереса. Речь идет о Б. Расселе, Л. Витгенштейне и Р. Карнапе. Первый состоял с Фреге в переписке и был, можно сказать, «главным транслятором» его идей в англоязычном мире. Витгенштейн в 1911–1913 гг. трижды приезжал к Фреге в Иену и

переписывался с ним. Неслучайно, что в Предисловии к «Логико-философскому трактату» он упомянул лишь «выдающиеся работы» Фреге и Рассела, назвав их «стимулировавшими» его мысли. Карнап слушал лекции Фреге по логике и основаниям арифметики в 1910–1914 гг., и по его признанию благодаря этим лекциям он «познакомился с настоящей логикой». Каждый из этих философов создал свою концепцию взаимосвязи языка и мира, но во всех этих концепциях хорошо просматриваются контуры фрегевской модели.

1.2. Логический атомизм Б. Рассела: язык как отображение структуры реальности

В 1918 г. Бертран Рассел (1872–1970) прочитал в Лондоне цикл лекций, которые в последующем были опубликованы в журнале «*Monist*» под названием «Философия логического атомизма». В этих лекциях он представил набросок всеобъемлющей философской системы, в которой постулировал строгий параллелизм между языком и миром. Благодаря этому провозглашенному параллелизму он счел возможным использовать методы логического анализа языка для раскрытия глубинной структуры реальности.

Рассел подверг суровой и жесткой критике предшествующую метафизику, однако «в основном его критика сводилась к тому, что метафизика давала неправильное объяснение мира, и Рассел полагал, что ему удалось выяснить, почему это произошло. Но он не отвергал саму задачу законченного объяснения мира и приближения к тому, что называл “окончательной метафизической истиной”» [Страуд, 1998, с. 512]. Основанием для его разрыва с прошлой философией послужила логика. Все прежние метафизические системы, по его мнению, опирались на аристотелевскую логику⁸, а у Фреге он обнаружил идею совершенно другой логики, которая и вдохновила его на построение метафизики нового типа.

Таким образом, определяя свою позицию как «научную философию, основанную на математической логике», Рассел отнюдь не счи-

⁸ По мнению Рассела, представление о том, что суждение может иметь лишь субъектно-предикатную структуру, приводит к «плохой метафизике», ибо оно вынуждает философов строить онтологии или схоластического типа, в которых имеются лишь субстанции и их атрибуты, или абсолютно-идеалистического типа, в которых все суждения, даже суждения об отношениях, истолковываются как замаскированные предикации к «реальности, взятой как целое».

тал, что строение мира и его онтологический «состав» должны быть полностью отданы в ведение науки. Да, эмпирические вопросы нужно оставить науке, а вот вопросы о фундаментальных структурных особенностях вселенной (например, есть ли факты и что они собой представляют) принадлежат к компетенции философии. В статье «Логический атомизм» (1924) Рассел пишет: «Философия должна быть всесторонней и смелой, чтобы предлагать гипотезы о Вселенной, которые наука все еще не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть. Но они должны быть представлены именно как гипотезы, а не, что часто делается, как бесспорные истины, подобно догмам религии» [Рассел, 1998, с. 35]. Однако для решения этих задач, как было сказано, философия должна вооружиться новой логикой.

Вера Рассела в могущество логики и логического анализа вполне объяснима. Как и Фреге, он был математиком, обратившимся к философии в связи с проблемой оснований математики. Как и Фреге, он увлекся логицистской идеей сведения всей «чистой» математики к логике. Когда в 1900 г. Рассел на Международном философском конгрессе познакомился с результатами Дж. Пеано по аксиоматизации арифметики, его программа построения всей математики как единой дедуктивной системы, опирающейся на минимальное количество понятий и основоположений, которые могут быть соответственно определены в логических терминах и выведены из чисто логических принципов, приняла вполне осязаемые очертания. В ходе осуществления этой программы Рассел построил формальный логический язык⁹, который в своих принципиальных чертах совпадал с языком, используемым в этих же целях Фреге, но были и некоторые важные различия. Во-первых, Рассел стал применять более простую и наглядную, чем у немецкого логика, систему записи выражений формального языка, которая сохраняется до настоящего времени. Во-вторых, хотя Рассел, подобно Фреге, для описания логической структуры суждения использовал понятие функции, он сохранил для нее традиционное название «предикат». В-третьих, его

⁹ Строго говоря, у Рассела словарь исходных символов включает помимо логических (пропозициональных связей, кванторов) и технических символов (1) термы, которые подразделяются на переменные и имена; (2) n -местные (где $n \geq 1$) предикаты, в которые можно подставить n термов и (3) формулы, представляющие собой соединение n -местного предиката с n термами. Такие формулы Рассел называет атомарными, а более сложные формулы образуются из них с помощью пропозициональных связей и кванторов, которые связывают в них свободные переменные. Предложение он определяет как формулу, не содержащую свободных переменных. Формулы, которые не являются предложениями («открытые формулы»), выражают пропозициональные функции.

логическая система содержала такой важный компонент, как «теория типов», созданная им для преодоления парадокса¹⁰, который он обнаружил в теории множеств весной 1901 г. и который впоследствии был назван его именем. Однако наиболее важные изменения коснулись интерпретации формального языка и созданной в этих целях теории значения.

Рассел задает следующую интерпретацию для основных категорий языковых выражений в его формальном языке (имен, предикатов, «открытых» формул и предложений). Имена обозначают индивидов, а предикаты — свойства и отношения. Что касается предложений, то сначала Рассел считал, что они обозначают суждения, однако затем — ко времени создания логического атомизма — место суждений заняли факты¹¹. Формулы, которые не являются предложениями («открытые формулы»), выражают пропозициональные функции, т.е. функции, областью определения которых являются индивиды или n -ки индивидов, а областью значений — суждения. Если взять, к примеру, предикат «есть философ» (P), то формула « x есть философ» (Px) выражает функцию, которая при подстановке в нее любого индивида из области значения (например, Сократа) превращается в предложение, и этому предложению приписывается в качестве значения суждение, говорящее о том, что Сократ есть философ. Это суждение истинно, если Сократ действительно является философом.

В целом Рассел отказался от фрегевского различения смысла и значения и выступил в поддержку теории значения, которую принято называть денотативной, поскольку, во-первых, она касается такой категории языковых выражений, как имена собственные, а, во-вторых, согласно этой теории, значением имени собственного является его носитель, т.е.

¹⁰ Согласно этому парадоксу, если мы рассмотрим множество всех множеств, которые не являются своими собственными элементами, и попытаемся ответить на вопрос, содержит ли это множество себя в качестве элемента, мы получим противоречие. Поскольку Рассел использовал теорию множеств для определения натуральных чисел и всех фундаментальных понятий арифметики, этот парадокс разрушал основания всей логицистской программы. В известном письме от 16 июня 1902 г. Рассел сообщил об этом парадоксе Фреге, для которого это означало крушение всех его грандиозных замыслов. Рассел же, сочтя источником этого и ряда других парадоксов «самоприменимость» некоторых понятий, предложил для их преодоления «теорию типов», в которой осуществляется иерархизация переменных по различным типам (выделяются, к примеру, переменные по индивидам, предикатам, множествам и т.п.) и устанавливаются ограничения на допустимые подстановки для переменных разных типов.

¹¹ Это изменение во взглядах Рассела обозначают как переход от «метафизики суждений» к «метафизике фактов».

значение имени отождествляется с его денотатом (референтом). Кроме того, Рассел исключил из категории имен собственных предложения и предикаты. По его мнению, предложение, указывающее на сложную сущность, состоящую из абстрактного свойства или отношения, обозначаемого предикатом, и индивидов, обозначаемых именами, которую он вначале истолковывал как суждение, а затем — как факт, не может эту сложную сущность именовать, поскольку в этом случае было бы невозможно указать, что именуют ложные предложения, а такие предложения отнюдь не лишены значения. Что касается предикатов, то в своей трактовке их значения Рассел фактически, как справедливо отмечает Г. Кюнг, уподоблял их именам индивидов, видя «в них подлинные имена определенных сущностей» [Кюнг, 1999, с. 91].

Как известно, на первом этапе, опираясь на эту денотативную теорию значения, Рассел вслед за А. Мейнонгом полагал, что все, что обозначается именем собственным, должно в каком-то смысле существовать — если не как вещь, имеющая реальное существование (existence), то как понятие, обладающее идеальным существованием (subsistence). В результате онтология, представленная им в работе «Принципы математики» (1903), содержала помимо привычных объектов внешнего мира такие сущности, как числа, множества, отношения, свойства и даже гомеровские боги и химеры. Однако подобная трактовка имен собственных как онтологически нагруженных языковых выражений наталкивалась на серьезные концептуальные затруднения, одно из которых связано с невозможностью отрицать существование чего-либо, не впадая в противоречие¹². Действительно, если исходить из того, что значением имени собственного является его носитель и что предложение, содержащее имя, является истинным в том случае, когда имеется объект, обозначенный данным именем, и он обладает свойством, выраженным предикатом, то получается, что считающееся истинным предложение «Пегаса не существует» говорит следующее: существует объект (Пегас), для которого верно, что он не существует. Еще одно затруднение состоит в том, что если мы возьмем предложение «Нынешний король Франции лыс», которое считается ложным, то, согласно закону исключенного третьего, мы должны признать истинным его отрицание «Нынешний король Франции не лыс». Поскольку этого признать нельзя, мы оказываемся перед необходимостью отказаться от закона исключенного третьего как важнейшего логического принципа.

¹² Сюда же относятся проблема пустых имен, проблема значения в неэкстенциональных контекстах и др. Подробнее см.: [Смирнова, Таванец, 1967, с. 3–53].

Для разрешения этих и подобных им концептуальных затруднений Рассел разработал специальный метод логического анализа, для которого в 1914 г. ввел название «философская логика». Он был убежден, что применение логических методов в решении философских проблем придаст философии научную строгость и определенность, свойственную математике. Ключевое место в разработанной им концепции анализа занимает различение логической и грамматической форм. Согласно Расселу, предложение имеет грамматическую форму, тогда как выражаемое им суждение имеет логическую форму. Иногда эти формы совпадают, а иногда нет, однако в определении истинностного значения предложения участвует именно логическая форма, поэтому, если не позаботиться о тех случаях, где логика и грамматика расходятся, то возникает опасность уподобления грамматических категорий логическим и соответственно онтологическим, что грозит серьезными метафизическими искажениями. В связи с этим стратегия Рассела состояла в том, чтобы для каждого проблематичного предложения S сформулировать логически эквивалентное ему предложение S_l , такое, что его грамматическая форма точно отображает логическую структуру суждения, выраженного в S и S_l . Для ясного и однозначного представления логической формы Рассел стал использовать разработанный им формальный язык, приписав ему тем самым статус «логически совершенного» языка. Необходимость же подобного перевода на формальный язык он объяснял тем, что обыденный язык — это источник путаницы и неясности, которые на протяжении веков были причинами философских заблуждений.

Этот метод Рассел применил для анализа так называемых обозначающих выражений, т.е. всех тех слов и словосочетаний, которые, помимо имен собственных, могут выполнять в предложении роль подлежащего и среди которых наиболее важную категорию составляют определенные дескрипции («самая высокая горная вершина», «столица Франции» и т.п.). В статье «Об обозначении» («On Denoting», 1905) Рассел сформулировал «теорию дескрипций», которая стала ядром его философской логики. Согласно этой теории, определенные дескрипции по своим логическим функциям сильно отличаются от имен собственных: если имя обладает самостоятельным значением, то дескрипция — это неполный символ, приобретающий значение только в контексте целого предложения и исчезающий при переводе предложения в логически совершенный язык¹³. Так, предложение «Сократ смертен» в логически

¹³ В работе «Философия логического атомизма» Рассел предлагает и другое обоснование, почему определенные дескрипции не являются именами. Возьмем, к примеру, пред-

совершенном языке выражается формулой $F(a)$, тогда как предложение «Нынешний король Франции лыс» представляет собой конъюнкцию из трех предложений, одно из которых утверждает существование человека, являющегося нынешним королем Франции, второе говорит о единственности такого человека, а третье приписывает ему свойство быть лысым. Подобный анализ устраняет иллюзию того, что выражение «нынешний король Франции» кого-то обозначает, и вместе с тем позволяет понять, как определяется истинностное значение рассматриваемого предложения. Поскольку среди ныне живущих людей нет человека, обладающего свойством «быть королем Франции», то первый конъюнкт в этом сложном суждении является ложным, а стало быть, ложным является и все суждение в целом. Благодаря такому анализу остается в неприкосновенности закон исключенного третьего, поскольку уже нельзя считать предложение «Нынешний король Франции не лыс» отрицанием предложения «Нынешний король Франции лыс». Аналогичным образом разрешается и проблема единичных отрицательных суждений существования: предложение «Пегаса не существует» переводится в предложение с квантором «Не существует такого x , что x есть Пегас», которое уже не содержит в себе ничего парадоксального.

Таким образом, при разрешении трудностей, с которыми столкнулась денотативная теория значения, стратегия Рассела, по сути, состояла в следующем: сохранить в неприкосновенности основные положения этой теории, но радикально сократить категорию имен собственных, опираясь на следующий принцип: если языковое выражение встречается в предложении, которое может быть преобразовано в логически эквивалентное ему предложение, не содержащее этого выражения, то данное выражение не является именем собственным, а стало быть, оно не несет и никакой онтологической нагрузки. Исключив определенные дескрипции из категории имен, Рассел на этом не остановился. Следующим видом выражений, к которым он применил свой метод логического анализа, стали имена вымышленных персонажей и объектов,

ложение тождества «Скотт есть автор “Веверлея”». Если «автор “Веверлея”» является еще одним именем для Скотта, то указанное предложение должно быть тавтологией, как и «Скотт есть Скотт». При подстановке вместо «автора “Веверлея”» какого-то другого имени, скажем «Китс», мы получим ложное предложение «Скотт есть Китс». Следовательно, при любой подстановке имени вместо «автор “Веверлея”», мы получаем либо тавтологичное предложение, либо ложное, а так как предложение «Скотт есть автор “Веверлея”» таковым не является, то «автор “Веверлея”» — не имя. Кроме того, указывает Рассел, поскольку имена произвольны, синонимичность «Скотта» и «автора “Веверлея”» является терминологическим решением, однако нельзя решить посредством терминологического выбора вопрос о том, является ли Скотт автором «Веверлея» или нет.

которые он истолковал как «скрытые» или «сокращенные» дескрипции. К примеру, произнося «Пегас», мы, согласно Расселу, используем это выражение не как имя, обозначающее несуществующий предмет, а как, скажем, сокращение для дескрипции «крылатый конь Беллерофонта», так как при анализе предложений, в которых «Пегас» выступает в качестве подлежащего, это выражение будет исчезать, переходя в состав предиката в виде указанной дескрипции. Это означает, что предложения, содержащие пустые сингулярные термины, уже не лишены истинностного значения, как это было у Фреге, т.е. Расселу удалось тем самым сохранить крайне важный для него принцип: любое осмысленное предложение является либо истинным, либо ложным.

Поскольку такие выражения, как «Пегас», «Зевс» и т.п., традиционно считаются именами собственными, Рассел ввел название «логически собственное имя» для обозначения тех выражений, которые, по его мнению, не только грамматически, но и логически являются подлинными именами, а стало быть, обозначают нечто существующее. В различные периоды творчества он по-разному проводил границу между логически собственными именами и другими «обозначающими» выражениями. Если вначале в категорию логически собственных имен он включал обычные имена реальных людей и объектов («Скотт», «Лондон» и т.п.), то к интересующему нас времени он стал трактовать и их как «скрытые» или «сокращенные» дескрипции, отводя роль подлинных имен указательным местоимениям «это», «то» и т.п.¹⁴ Удивительно, что выражения «это», «то», представлявшие для Фреге ничтожный интерес, у Рассела стали ключевыми выражениями, несущими основную онтологическую нагрузку. Почему это произошло? Ответ на этот вопрос дают две его теории — теория знания-знакомства и знания по описанию и теория «логических конструкций».

Подобно Декарту, Рассел стремился открыть основание всего нашего знания, не подверженное скептическому сомнению. Такое основание он обнаружил в знании, которое мы получаем в актах непосредственного восприятия и которое, по его мнению, исключает возможность ошибки. Однако, в отличие от Декарта, Рассел не считал, что на основе этого исходного знания можно достичь достоверности в отношении физических вещей, других людей и даже своего собственного «я». Знание такого рода вещей всегда является выводным или «производным», а потому подверженным ошибкам. Рассел обозначил эти два вида знания

¹⁴ Начиная с 1940-х годов Рассел возвратился к своей первоначальной позиции, о чем свидетельствует его книга «Исследование значения и истины» (1940).

как «знание-знакомство» и «знание по описанию», и их различие напрямую связано с его теорией дескрипций: имя применяется только к тому, с чем человек непосредственно знаком, а дескрипции используются для выражения знания, которое мы получаем от других или выводим из наших непосредственных восприятий. Более того, в статье «Знание-знакомство и знание по описанию» (1910) Рассел выдвинул в качестве «основополагающего эпистемологического принципа» следующее положение: «Каждое высказывание, которое мы понимаем, должно состоять только из частей, с которыми мы непосредственно знакомы» [Russell, 1988, p. 23].

Так что же представляет собой это знание-знакомство? С точки зрения Рассела, это прямое и непосредственное отношение между сознанием и сущностями вне сознания. В «Проблемах философии» он пишет: «Способность быть знакомым с вещами, иными, чем оно само, является основной характеристикой сознания. Знакомство с объектами по существу состоит в отношении между сознанием и чем-то отличным от сознания; и это отношение образует способность сознания познавать вещи» [Russell, 1952, p. 42]. Подчеркивание Расселом непосредственного и прямого характера этого отношения во многом объясняется его неприятием идеализма. Идеалисты считали, что наше знание всегда опосредовано сложной структурой, о которой мы можем иметь априорное знание и которая обеспечивает наше знание о мире в той мере, в какой он является познаваемым. Отношение знакомства — это когнитивное отношение между сознанием и объектами, которое не опирается ни на какую структуру или теорию и в этом смысле является «беспредпосылочным» отношением. Сознание находится в прямом контакте с объектами вне его, и непосредственность этого контакта должна исключать возможность ошибок.

Представления Рассела о том, что может быть объектом знания-знакомства, менялись. И хотя он всегда включал в эту категорию чувственные данные, под которыми понимал цвета, звуки, запахи и т.п., тем не менее вначале он вовсе не считал, что наш непосредственный когнитивный контакт с миром осуществляется только через чувственное восприятие. Так, в неопубликованной работе «Теория познания» («Theory of Knowledge», 1913) он пишет: «Объект [знакомства] может быть в настоящем, в прошлом и вовсе вне времени; он может быть воспринимаемой партикулярией (particular), универсалией или абстрактным логическим фактом» (цит. по: [Hylton, 1992, p. 332]). В «Проблемах философии» помимо партикулярий (т.е. индивидуальных сущих) и универсалий в числе объектов «знакомства» упоминается также содержание наших сознаний

(воспоминания, мысли, чувства и т.п.). Однако в работе «Наше знание внешнего мира» (1914) Рассел ограничил знакомство непосредственным знанием того, что дано нам в восприятии, оставив единственными объектами такого знания чувственные данные, хотя им самим, как мы увидим, он дал довольно широкую трактовку.

В этот период творчества (охватывающий и создание концепции логического атомизма) Рассел подчеркивал нементальный характер чувственных данных¹⁵ в связи с тем, что в духе неореализма¹⁶, сторонником которого он являлся, он четко различал ментальный акт знакомства и объект знакомства, который не является ментальным. Этот аспект чувственных данных призвана была подчеркнуть и концепция «сенсibiliй», которую Рассел изложил в статье «Отношение чувственных данных к физике» (1914). Под сенсibiliями он понимает объекты вроде чувственных данных (т.е. имеющие такой же метафизический статус) с тем лишь отличием, что с ними никто не находится в отношении знания-знакомства. В этой статье Рассел отмечает, что признает лишь «физиологическую» субъективность чувственных данных, означающую «их причинную зависимость от органов чувств, нервов и мозга». Он пишет: «Если бы — *per impossible* — имелось человеческое тело, в котором было бы всё, кроме сознания, все эти сенсibiliи существовали бы по отношению к этому телу и были бы чувственными данными, если бы в этом теле имелось сознание. Сознание добавляет к сенсibiliи лишь осведомленность (*awareness*): все остальное является физическим или физиологическим» [Russell, 1914, p. 111]. Будучи независимыми от сознания, чувственные данные вместе с тем являются наиболее близкими к сознанию в том смысле, что никакой вносящий искажения посредник не может вмешаться в их отношение с сознанием, которое обладает по этому достоверным знанием о них.

¹⁵ Однако позже в работе «Анализ сознания» (1921) Рассел перешел на позиции «нейтрального монизма», согласно которому реальность в своих предельных основаниях не является ни материальной, ни идеальной. Мир состоит из единого онтологически нейтрального «вещества», элементы которого могут стать психическими или физическими данными в зависимости от каузальных последовательностей, в которые они включаются. Сгруппированные по-разному, эти нейтральные элементы (вместо «чувственных данных») Рассел использует для их обозначения термин «перцепты», с одной стороны, образуют внешний физический объект, а с другой стороны, служат ингредиентами индивидуально-опыта, выступая, таким образом, предметом изучения как для физики, так и для психологии.

¹⁶ В неореализме четкое различие между ментальными актами и тем, на что эти акты направлены, служит обоснованием его центрального тезиса о том, что воспринимаемое и познаваемое сознанием существует независимо от актов восприятия и познания.

М15 **Макеева, Л. Б.** Язык, онтология и реализм. [Текст] / Л. Б. Макеева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 310, [2] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-0802-2 (в пер.)

Книга посвящена выявлению специфики реализма, представленного в аналитической философии XX в. Проблема реализма исследуется в контексте онтологического подхода, основывающегося на анализе структуры языка, с помощью которого мы говорим о реальности. Прослеживается эволюция представлений ведущих аналитических философов (Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, У.В.О. Куайна, П. Стросона, Д. Дэвидсона и др.) о связи между языком и реальностью, анализируются и сопоставляются концепции М. Даммита и Х. Патнэма о природе аналитического реализма.

Книга адресована философам, историкам философии и культуры, всем интересующимся развитием метафизики в XX в. Она может быть полезна как студентам, изучающим современную философию, так и специалистам, работающим в области исследования ключевых онтологических и метафизических проблем современной философской мысли.

УДК 111
ББК 87.21

Научное издание

Макеева Л.Б.
Язык, онтология и реализм

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *М.С. Ковалева*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка: *Л.В. Маликина*
Корректор *С.Д. Швед*

Подписано в печать 17.05.2011. Формат 60×88¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 600 экз. Изд. № 1249.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71.

ISBN 978-5-7598-0802-2

9 785759 808022